

шающую и обвиняющую эти факты. Широкий взгляд почтеннаго академика и способность къ философскому обобщенію, довольно рѣдкая у современныхъ ученыхъ, придасть его теоріи, хотя она и касается спеціальнаго атомистическаго вопроса, общій интересъ.

Народовѣдніе Оскара Пешеля. Переводъ подъ редакціею проф. Э. Ю. Петри. Вып. III. Спб. 1890. Ц. 1 р.

III выпускъ книги Пешеля посвященъ разсмотрѣнію отдѣльныхъ человѣческихъ расъ. Пока переведены главы, трактующія объ австралійцахъ, папуасахъ, монголоподобныхъ народахъ, готтентотахъ и неграхъ. Какъ въ общей части, такъ и здѣсь Пешель начинается съ описанія вѣшняго вида каждой расы, затѣмъ переходитъ къ языку, обычаямъ, культурѣ, семейному и общественному устройству. Все это сообщается, конечно, не просто въ видѣ справочныхъ свѣдѣній, а съ извѣстнымъ философскимъ освѣщеніемъ, съ выясненіемъ каждой народнои особенности. Книга эта безспорно полезная и вѣроятно получитъ большое распространеніе въ читающей публикѣ.

Хмурые люди. Разказы *Ан. Чехова*. Спб. 1890. Ц. 1 р.

Г. Чеховъ получилъ извѣстность какъ художникъ-миниатюристъ, который на нѣсколькихъ квадратныхъ вершкахъ холста удачнымъ выборомъ момента и комбинаціей выводимыхъ лицъ ярко освѣщаетъ ихъ жизнь и характеры. Въ вышедшемъ сборникѣ его очерковъ «Хмурые люди» фигурируютъ лица, нерѣдко встрѣчающіяся въ послѣднее время. Въ воздухѣ носится что-то тяжелое, что-то давить и мѣшаетъ жить, — и люди виснутъ и хмурятся. Такихъ вѣчно хмурыхъ и кислыхъ людей г. Чеховъ отыскалъ во всевозможныхъ общественныхъ классахъ. Онъ не даетъ понять причинъ ихъ хмурости, не анализируетъ, а беретъ ихъ уже въ готовомъ видѣ и рисуетъ ихъ портреты. Исторія этихъ людей не богата ни романическими событіями, ни глубокими мыслями и чувствами; жизнь ихъ складывается изъ обыкновенныхъ, сѣрыхъ, будничныхъ мелочей. Но и въ этихъ мелочахъ авторъ умѣлъ отыскать типическія, живыя черты. Разказы читаются съ удовольствіемъ, но, надо признаться, производятъ унылое впечатлѣніе: точно побывалъ въ обществѣ болѣзненныхъ, хмурыхъ и вѣчно брюзжащихъ людей.

мас. № 977 за

На отдыхѣ.

Весна. Снѣгъ стаялъ; мутныя воды уже прошли; воздухъ гудитъ птичьими голосами и благоухаетъ; лѣса одѣлись зеленымъ бархатомъ и вѣжно потягиваются къ небу своими молодыми побѣгами. Чудно хороши лѣса въ эту пору, когда весеннее ласковое солнце пробѣгаетъ по горизонтѣ, освѣщая ихъ своею ясною улыбкою, и шаловливый, теплый вѣтерокъ заведетъ съ ними любовные разговоры; вѣжные, чарующіе звуки льются отовсюду, и въ душѣ вашей, измученной житейскою борьбою, поселяется миръ и благоволеніе. Жутко и радостно присутствовать на этомъ торжественномъ концертѣ ликующей природы, свершающей свой праздникъ побѣды и возрожденія: чувствуешь себя и безконечной ничтожностью, и счастливейшимъ сыномъ великой матери.

Но вотъ сосновый боръ. Вѣковые гиганты гордо воздымаются къ небу, завершая свой дерзкій побѣгъ вѣчно зеленымъ иглистымъ покровомъ. Внизу — ни травинки: всюду желтый иглистый

васте всякое жите не человек думаете вы а часть вотъ в солнцу. И вдр томъ, могучи гудѣло эхо и дрогнулъ... Т

Сосновый мелкій кустар зеленымъ луи покрытыя пр нокъ, купае нья трели. Зел и готова при за зиму скот уже вспахан ютъ по свѣж шущие посыл денюкъ, едва Эка... Ишь о Тпру...

А «корот краю борозды на каждый и на нее кнуте не слишкомъ рюха, прекра въ сторону, комъ налегал

— Тпру, дается надъ стомъ и не воть и все.

Взмахнест Карюху, точи матушка, Гос не ласкать с является въ мірѣ, когда с видя въ ней слѣднимъ куст

— Ваню шему завтра рюха остороз умно и любо тракъ, состо гивается на вить свои ус вать; съѣвъ рукъ Ванюш удовольствіем ревалилась-би не мѣшали е

А солнце — Ваня,